

РАЛЬФ УОЛДО ЭМЕРСОН

ДОВЕРИЕ К СЕБЕ

ЭССЕ

8

**МОСКВА
1996**

RALPH WALDO EMERSON

SELF - RELIANCE

ESSAY

**BOSTON
1841**

“Природа - это воплощение мысли”
Р.У.Эмерсон

В обширном наследии Ральфа Уолдо Эмерсона его "Очерки", и среди них один из самых знаменитых "Доверие к себе", занимают главное место. Блестящие по стилю, исполненные огромной силы убеждения, "духа учительства", близкие к проповедям они оказали сильнейшее воздействие на современников. Читая эссе "Доверие к себе", написанное более 150 лет тому назад и не утратившее своей актуальности в наше время, мы проникаемся высокой духовностью автора, его неутомимым поиском Истины.

Настоящее переработанное издание осуществлено с целью поддержки и распространения духовно-философского учения Наука Разума.

ISBN 5-88102-002-2

На договорных началах

Сам человек - в пути своем звезда
Душе, творящей благо, навсегда
подвластны свет, могущество и рок,
Все для нее приходит в должный срок.
Деянья наши, ангелы для нас,
Как тени, с нами рядом каждый час¹.

(Эпилог к пьесе Бомонта и Флетчера
"Удел честного")

Ne te quaesiveris extra²

ПУТЬ К СОВЕРШЕНСТВУ

Недавно мне попались стихи, написанные одним знаменитым художником - стихи самобытные и содержательные. Чувства, ими пробуждаемые, как и мысли, которые в них выражены представляют собой большую ценность. Верить собственному чувству и собственной своей мысли, верить, что истинно для тебя, для твоего сердца, — вот в чем гений. Выскажите убеждение, родившееся в глубине души, и оно приобретет смысл для всех, ибо пройдет время, сокровенное делается всеобщим, и мысль, мелькнувшая в нас, разнесется по свету. Научиться распознавать и ловить проблески света, озаряющие душу изнутри, не дать им угаснуть и превратить их в лучи, исходящие от сердца — вот в чем совершенство.

Самый назидательный урок, который преподают нам великие творения искусства, состоит в том, что они учат нас без самонадеянного упорства, непреклон-

¹ Перевод В. Рогова

² Не ищи ничего вне себя (лат.)

но держаться инстинктивно сложившегося у нас впечатления — и особенно в тех случаях, когда хором твердят нечто прямо противоположное. Если же мы откажемся от этого впечатления, завтра некто неведомый нам чрезвычайно убедительно докажет в точности то самое, что и мы как-то подумали или ощутили, и нам не без сожаления придется с той поры держаться нашего же собственного мнения, которое утвердил другой.

В духовной жизни человека может наступить такой момент, когда он начинает думать, что человек, хочет он того или нет, должен примириться с собой, как назначенным ему уделом, что какими бы благами ни изобиловала вселенная, хлеба насущного ему не найти и т.д.

Силы, заложенные в человеке, не имеют подобных в природе, и лишь ему самому дано узнать, на что он способен, а это не прояснится, пока он не испытает себя в созидании, не начнет действовать. Глаз должен оказаться как раз там, куда упал луч, для того, чтобы он мог воспринять именно этот луч. Человеку создающему весело и легко на сердце; он вкладывает душу в работу и делает все, что может, но если он поступает противоположным образом, ему не найти покоя: это освобождение, которое не освобождает. Гений покидает его, и муза остается к нему холодной; ни одной смелой мысли, никакой надежды.

Верьте себе! Нет сердца, которое не откликнулось бы на зов этой струны. Примите то место, которое было найдено для вас божественным провидением, примите общество своих современников и связь событий. Так всегда поступали великие люди; тем самым

признавая, что их сердце — вместилище абсолютно истинного и надежного, что Истина действует через их посредство и проникает все их существование. Мы же — взрослые мужи, и нам следует совершенно осознанно стать проводниками Божественной идеи и благодетелями, подчинившими себя Всевышнему.

СОЗЕРЦАНИЕ СОВЕРШЕНСТВА

Какие замечательные примеры являет нам в этом отношении природа!

Присмотритесь к детям, младенцам, даже животным, взгляните, как они себя держат. Им неведомо смятение духа, они не способны подавить в себе то или иное чувство лишь потому, что изобретенная нами арифметика наперед вычислила, какие препятствия предстоит нам преодолеть на своем пути к цели. Их дух гармоничен, и взгляд еще не притупился, и, глядя на них, мы испытываем смущение и радость от их созерцания. Детство ни с чем не сообразуется; все сообразуется с ним, и не редкость, что один младенец привлекает к себе внимание сразу нескольких взрослых, которые решили поболтать и поиграть с ним. Господь наделил собой привлекательностью и очарованием и младенчество, и юность, и — в не меньшей степени — зрелость и сделал так, что каждое состояние прекрасно. Не подумайте, что младенчество бессильно, поскольку не может говорить с вами или со мной. Слышите? В доме по соседству его голос уже достаточно ясен и настойчив. Похоже, ему известно, как разговаривать со своими ровесниками.

Беспечность юношей, которым не приходится думать об обеде и которые, как настоящие лорды, не снизойдут до того, чтобы сделать или оказать хоть что-нибудь, что располагало бы в их пользу, — это лишь здоровое проявление человеческой природы. Юноша в гостиной все равно, что партер в театре: он так же ни от кого не зависит и ни за что не отвечает, он лишь посматривает из своего угла на гостей и на происходящее. О достоинствах тех, с кем его знакомят, он судит по первому впечатлению, категорически и не колеблясь, как то и свойственно юности. Он не утруждает себя мыслью о последствиях его суждений и не задумывается о своих интересах; его приговор беспристрастен и продиктован голосом души.

Достоин восхищения тот, кто в состоянии избежать каких бы то ни было пристрастий, тот, кто уже понаблюдав людей, способен и дальше наблюдать их как человек непредубежденный, неподкупный, не ведающий страха. Вот кому суждено выносить обо всем совершающемся мнение, которое никто не назовет предвзятым, но все признают единственно справедливым.

САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ И СИЛА ДУХА

Нам суждено обладать самостоятельностью и силой духа. В конечном счете священо лишь одно — неповторимость своего собственного духовного мира. Признаем доброту как не лишенной известной твердости, иначе это не доброта. Существует мнение, что добродетели — более исключение, нежели правило.

Существует человек, а также его добродетели. Прекрасные поступки, как это принято называть, проявления смелости или сострадания могут быть иногда продиктованы стремлением обрести покой или рассматриваться как оправдание чего-либо. В конечном итоге это зависит от конкретной личности. Я же не хочу извиняться за то, что живу, а жить. Я живу, чтобы жить, а не для того, чтобы являть собой некое зрелище. Не столь важно, чтобы моя жизнь стала блестящей и разнообразной; куда существенней, чтобы я жил, как велит душа, вел жизнь спокойную — и пусть она будет не блестящей в глазах всех, я не огорчусь. Я хочу, чтобы это была здоровая, радостная жизнь. Я отказываюсь признать ту пышность и бутафорию, которую придают человеку отдельные его поступки. Я знаю, что для меня самого не составляет никакой разницы, совершаю ли я поступки, которые почитаются в высшей степени благородными, или воздерживаюсь от них. Сколь бы незначительными и скромными ни были мои таланты, я существую как человек, я убежден в этом, как и мои друзья, и я могу обойтись без дополнительных свидетельств в пользу этого утверждения.

Мы доверяемся себе. Может ли что-либо помешать этому? Например страх оказаться в противоречии с самим с собой, страх перед прошлым. Если мы будем все время смотреть через плечо, то нам придется тащить за собой груз памяти и трястись от страха, как бы не сказать нечто противоположное тому, что говорили раньше в присутствии тех или других людей. Допустим, это произошло, — что из этого? Один из законов мудрости, видимо состоит в том, чтобы никогда, даже в тех случаях, когда дело касается далекого

прошлого, не полагаться исключительно на память, но судить прошлое через многоликое настоящее, всегда жить новым.

Старание не впасть в противоречие с самим собой не может быть ведомо Душе. Это ведь все равно, что стараться придать изящество своей тени на стене. Говорите, не колеблясь то, что вы сегодня думаете, а завтра, не ведая колебаний, говорите, что будете думать в этот день и пусть даже это будет полностью противоречить сказанному вами накануне. "Ах вот как, значит, обречь себя на то, чтобы тебя не понимали?" А если и так, большая ли это трагедия? Пифагора тоже не понимали как и Иисуса, и Лютера, и Коперника, и Галилея, и Ньютона, как и всех мудрых и чистых душою, каких знала История.

ЗАКОН БЫТИЯ

Я думаю, нет человека, который мог бы совершить насилие над своей природой. Все усилия его воли в конечном счете так подчиняются закону его бытия, как неровности Земли, даже Анды и Гималаи, ничтожны перед сферической формой земного шара. Как ни оценивать, как ни испытывать человеческую природу, она все равно окажется похожа на акrostих или александрийский станс — можете читать его, как обычно, или наоборот, или менять порядок строк, суть одно и то же. Господь судил мне жизнь среди лесов, полную тихих радостей и размышлений, и я записываю день за днем мои мысли, ничего не скрывая, не заботясь ни об их последовательности, ни о стройно-

сти их изложения, и все-таки, хотя я ничуть не задумываюсь о гармоничности труда, который пишу, и сейчас еще не вижу гармонии, у меня нет сомнений, что она придет. Моя книга должна хранить запах смолы и жужжание насекомых. Пусть в ткань моего повествования вплетет соломинку, которую где-то нашла и тащит в клюве ласточка, прилетевшая отдохнуть на мое окно. Мы слышим тем, что мы есть и замечаем в конечном итоге, что добродетель проявляется каждую минуту.

Возможно так сочетать самые разнообразные действия, что каждое из них окажется в свою минуту и естественным и правильным. Проникнутые волей действия, сколь бы противоречивыми они ни казались, на деле будут гармоничными. Нужно посмотреть на них чуточку со стороны, окинуть их взглядом с мысленного отдаления, и противоречивость исчезнет. Одно стремление объединит их всех. Даже самый лучший корабль плывет к месту назначения не по прямой, а кружит и петляет в океане. Но взгляните на его маршрут со стороны, и вы разглядите прямую, это упорно пробивающееся стремление к цели. Если ваш поступок продиктован искренним стремлением души, он объяснит себя сам и оправдает другие ваши искренние поступки. Действуйте самостоятельно, и то что уже сделали самостоятельно, оправдывает вас сейчас. Величие взывает к будущему. Если сегодня у меня достанет характера поступить правильно, значит я поступал правильно и прежде, и это оправдывает мой сегодняшний поступок. Сила человеческой природы совокупна по своему характеру; все праведное, что вы

совершили в прошлом, останется с вами и преумножит ваше моральное здоровье.

Что придает величие людям, прославившимся в сенате или на полях сражений и так прочно завладевшими нашим воображением? Память о великих днях и победах, оставшихся в прошлом. Когда такой персонаж выступает на сцену, на него устремлен луч прошлого; мы точно бы видим сонм ангелов за его спиной. Вот почему в голосе Чэтэма¹ мы различаем раскаты грома, в осанке Вашингтона — достоинство. Слава — это всегда добродетель, возвращающая нас памятью в прошлое. И если мы преклоняемся перед ней сегодня, то только потому, что она не принадлежит сегодняшнему дню. Мы воздаем ей дань любви и уважения, поскольку слава не обманет нас; она — достойноеместилище для наших чувств уважения и любви, ибо ее нельзя получить в наследство, достичь ее зависит лишь от самого человека.

ПОДЛИННЫЙ ЧЕЛОВЕК

Я надеюсь, что вскоре нам не придется слышать о несамостоятельности духа. Не надо больше бить в гонг, приглашая проследовать в столовую; пусть гонг заменят нам звуки спартанского рожка. Я иду в гости к великому человеку, но я не собираюсь угождать ему. В его присутствии я, хотя и без лишней

¹ Чэтэм — граф Уильям Питт (1708 — 1778), английский государственный деятель, лидер партии вигов, премьер-министр Англии в 1766 — 1768 гг. Прославился своими речами в парламенте.

настойчивости, сумею убедить его, что поступаю верно. Я призываю открыть важнейшую истину, которой научила нас история: повсюду, где трудится человек, творит великий Мыслитель и Актер, и он берет на себя всю ответственность за свое время. Подлинный человек — центр всех вещей. И там, где он обитает — обитает природа. Своим масштабом он мерит и тебя, и всех людей, и все события. Человеческая природа, реальность не вызывает никаких ассоциаций; они превосходят все сущее. Человек столь велик, что любые обстоятельства окажутся не имеющими значения. Всякий подлинный человек — это первопричина, это страна, это эпоха; ему необходимы неисчислимые величины, пространство, время, чтобы осуществить свое предназначение. Рождается человек по имени Цезарь — и долгие столетия существует Римская империя. Появляется Христос — и миллионы душ оказываются столь безраздельно преданными его гению, что он выступает как сама добродетель, как предел возможностей человеческих.

Так пусть же человек осознаёт свою ценность. Пусть в мир, который существует для него, он учится смотреть открыто. Человек, разглядывающий на улице какую-нибудь башню или мраморную статую бога и не обнаруживающий в себе силы, достойной той, что создала эти вещи — достоин сожаления. Статуя, дворец, книга в роскошном переплете кажутся ему чем-то глупым и пугающим. Но ведь на деле все это есть вызов, предъявляемый скрытым в человеке талантам и побуждающий этим талантам проявиться.

ИСТОЧНИК ДОБРОДЕТЕЛИ

Неодолимая привлекательность всякого небанального поступка поддается объяснению, если мы зададимся вопросом, на чем основано доверие к себе. Кто Тот, кому доверяют? Что представляет собой истинное Я, которому можно оказать безграничное доверие? Какова природа, какова световая мощь этой недоступной науке планеты, у которой нет параллакса и вычислимых элементов, но чье слияние озаряет красотой даже самый заурядный поступок, коль скоро в нем ощутим хотя бы слабый проблеск самостоятельности? Размышления ведут нас к тому источнику добродетели и самой жизни, который мы называем Непосредственностью или Инстинктом. Мы дали этой первичной форме мудрости имя Интуиция, а все позднейшие доктрины можно назвать продуктом рассудочности. Вот в этой глубинной силе, далее которой нельзя продолжить анализ, заключено общее происхождение вещей, ибо то ощущение бытия, которое неведомым образом возникает у нас в душе в минуты покоя, не только сродни всем вещам, пространству, свету, человеку, но и едино с ними, и исток его — тот же самый, что и исток их жизни, бытия. Мы начинаем с того, что лишь делим жизнь, которую ведут вещи вокруг нас; только затем приходит чувство, что эти вещи — независимые от нас явления природы; мы забываем, что сами разделяем их жизнь. Вот где родник мысли и действия. Вот где крылья вдохновения, которое дарует человеку зрелость мысли.

Мы покоимся в лоне безграничной мудрости, которая делает нас восприимчивыми зрелости. Когда мы поступаем по справедливости, мы просто даем пройти через нас ее лучам. Если же мы при этом мучаемся сомнениями и пытаемся постигнуть основные начала, наше философствование ошибочно сначала до конца. Мы можем лишь подтвердить присутствие или отсутствие этого основного начала в нас. Каждый понимает разницу между отдельными усилиями своего ума и его неосознанными откровениями и знает, что этим последним следует доверять не колеблясь. Можно не суметь выразить такие откровения, но оспаривать их также неразумно, как и отрицать, что день приходит на смену ночи. Поступки и решения, на которые я иду осознанно, — это лишь попытки найти что-то на ощупь, но мечты, хотя бы самые туманные и, родившиеся в глубинах моей души чувства, пусть самые неясные, вызывают у меня глубочайшее сочувствие и уважение.

Люди, не желающие думать, путаются, говорят о посетивших их откровениях не меньше, а, пожалуй и больше, чем излагая свои мнения, и это не удивительно: они не видят разницы между откровением и понятием. Они полагают, что сами могут выбирать себе предмет для развлечений. Но откровения нельзя назвать прихотливыми, они фатальны. Если мне открылась какая-то характерная черта, после меня ее увидят мои дети, хотя может случиться и так, что до меня этой черты не замечал никто. А когда я узрел ее в откровении, ее существование — такой же неоспоримый факт, как то, что днем светит солнце.

Взаимоотношения между душой и высшим духом настолько чисты, что наивно пытаться помочь их общению. Есть так, что Господь речью своей открывает не одну истину, но все истины, и голос Его заполняет собой весь мир; изреченное Им владеет нашей мыслью, и Он дает новое начало, новую точку отсчета мудрости. Душа живет сиюминутным, и текущий миг поглощает для нее прошлое и будущее. Для нее все становится священно, и что-то одно не может более священно, чем что-то другое. Все преобразуется до самого своего основания, и отдельные маленькие чудеса исчезают во вселенском чуде. Время и пространство — только физиологические оболочки, создаваемые глазом, но душа — это свет; там, где она есть, сияет день, там, где она была, стоит ночь.

Человек может не осмелиться сказать: "Я думаю" или "Я убежден", а прикрыться авторитетом какого-нибудь знаменитого мудреца, также как и быть безразличным при виде побега травы или розы в цвету. Вот я вижу эти розы, растущие у меня под окном. Они не оправдывают свое существование ни тем, что до них здесь тоже росли розы, ни тем, что бывают и более красивые экземпляры; они то, что есть, они живут сегодня и живут вместе с Богом. Для них не существует времени. Существует просто роза, и она совершенна во всякий момент своей жизни. Прежде чем пробьется листок, приходит в движение вся жизнь; в распутившемся цветке не больше жизни, чем в первом побеге, а в голых корнях под землей — не меньше. Природа этого растения одинаково удовлетворяет природу в любой миг своего существования. Но человек, погружаясь в воспоминания, вечно что-то откла-

дывает; он не живет в настоящем, и отводя от него взор, отдается сожалениям о прошлом, либо, не замечая рассыпанных вокруг него богатств, встает на цыпочки и вытягивает шею, чтобы разглядеть будущее. Но он не будет ни счастливым, ни сильным, пока тоже не станет жить с природой в настоящем, поднявшись над временем.

Это должно быть очевидно, но взгляните на людей с достаточно сильным умом, которые, однако, не осмеливаются отвергнуть слух от Господа, если только он не изъясняется языком Давида, или Иеремии, или Павла. Не следует во всех случаях почитать бесценными несколько текстов, примеры жизни нескольких людей. Слово дети, зазубрившие наизусть и бездумно твердящие прописи наших наставников и классных дам, мы, становясь старше, заменяем эти прописи суждениями незаурядных, талантливых людей, которых нам довелось повстречать, и изо всех сил стараемся запомнить слово в слово то, что они говорили, потом, разобравшись во взглядах тех, кому принадлежат эти суждения, мы начинаем понимать их смысл и еще больше стремимся держать в памяти их слова, ибо, когда представится случай, на языке у нас уже будет готовая фраза. Если мы живем правильно, то должны и правильно видеть, правильно понимать. Сильному человеку легко быть сильным, как и слабому — слабым. Если нас посетит новое откровение, мы с радостью освободимся от запасов накопленной мудрости. Если человек живет вместе с Богом, голос его будет столь же чистым, как журчание ручья или шелест волнующейся нивы.

САМОСУЩЕСТВОВАНИЕ — АТРИБУТ ВЫСШЕЙ ПРИЧИНЫ.

Но я все же не сказал самого главного, что нужно сказать, коснувшись выбранной мною темы, да может быть сказать это и невозможно, ведь все, что мы говорим, — лишь слабый отблеск открывшегося нам через Интуицию. Однако попытаюсь изложить мысль, которая, может быть, приблизит нас к тому, что мне хочется выразить. Вот эта мысль.

Когда добро рядом со мной, когда жизнь в самом мне, я постигаю это путем необычным и неизведанным; не найти следов людей прошедших этой дорогой раньше вас; путь, которым вы идете, совсем новый — как и мысль, как и само добро. Вы в равной степени изведаете надежду и сомнение. Что-то тягостное вы можете ощутить даже в надежде. Однако, когда является видение, Душа, поднявшись над страстями, созерцает целостность и вековечную причинную связанность, постигает независимость Истины и Блага, и в нее вселяется успокоение, ибо она уверяется, что дыхание жизни божественно. Не имеют значения ни большие пространства в природе — Атлантика, Южные моря — ни большие интервалы во времени, измеряются ли они годами или столетиями. То, что я думаю и чувствую, проникает во все прежние состояния жизни, во все прошлые обстоятельства — подобно тому, как этим проникнуто мое настоящее, и то, что именуют жизнью, и то, что именуется смертью.

Обогащает жизнь не только жизнь, но и пережитое. Силу дарует неостановимый переход от прошлого к новому состоянию, вечное формирование про-

лива, отделяющего одно от другого. До тех пор, пока присутствует душа, присутствует и сила — не пассивная, но созидаящая. Когда мы говорим о доверии, мы выражаем лишь самое внешнее. Давайте лучше говорить о том, что вызывает доверие, потому что это существует и действует.

Коснувшись этой темы, мы необыкновенно быстро приходим к важнейшему заключению: нас всех обнимает вечно благословенный Один. Самосуществование есть атрибут Высшей Причины, и границы добра определяются степенью его проникновения во все формы. Все по-настоящему ценное становится ценным лишь в меру заключенной в нем добродетели.

Коммерция, хлебопашество, охота, китобойный промысел, ремесло воина или оратора заслуживают моего уважения, поскольку я различаю во всем этом крупинцы добра и его действие. Закон сохранения и умножения, действующий в природе, кажется мне проявлением той же закономерности. В природе сила — самое существенное измерение блага. Природа не терпит в своем царстве ни одного создания, не способного постоять за себя. Образование и созревание планеты, ее покои и орбитальное движение, дерево, согнувшееся под напором ветра и медленно затем поднимающееся, запасы жизни, которыми наделены всякое растение и животное, — все это проявления самостоятельной, верящей себе души.

Если мы не в силах достигнуть священных высот, душевных сил, веры — попытаемся хотя бы противостоять соблазнам. Для этого надо выбрать минуту неомраченности. А чтобы сделать это, нужно говорить правду, найти Истину. Я не стану скрывать своих при-

страстей и антипатий. Я верю, что священо то, что глубоко волнует меня, и я буду неукоснительно следовать тому, что указывает мне сердце, и делать то, что наполняет меня радостью. Как скоро я люблю то, что указывает вам и мне наша природа, и как скоро мы начнем следовать Истине, это в конечном счете спасет нас.

От человека, решившего поступиться обычными мотивами человеческого поведения и доверять самому себе, когда речь идет о том, что он должен сделать, поистине требуются качества достойные богов. Какой же высокой должна быть его душа, какой стойкой воля, каким незамутненным взор, чтобы он мог без колебаний признать самого себя своей философией, обществом, законом, чтобы прстая цель была для него столь же важна, как железная необходимость для других! Будем же больше доверять себе: нетрудно увидеть, что это приведет к перевороту во всей деятельности, во всех взаимоотношениях людей, в их вере, образовании, целях, которые они перед собой ставят, их образе жизни и знакомствах, их отношении к способности и философских воззрениях.

МОЛИТВА

Какие молитвы возносят люди? Есть молитвы, устремленные в иные края и просящие добавления извне, которое должно появиться вместе с какой-то извне позаимствованной добродетелью. Такая молитва исчезает в нескончаемых лабиринтах рассуждений о

естественном и сверхъестественном, об открытиях через чье-то посредство или чудотворном.

Молитва — это созерцание фактов жизни с самой высокой точки наблюдения. Молитва — это монолог созерцающей и ликующей души. Молитва — это голос Бога, говорящий, что все, им созданное, прекрасно. Коль скоро человек един с Господом, он поймет суть молитвы, как действие. Молитва фермера, склоняющегося над полем, чтобы прополоть его, молитва гребца, преклоняющего колена, чтобы глубже опустить в воду весло — это искренние молитвы, которые можно услышать повсюду в природе. Когда Каратака у Флетчера в "Бондуке"² просит сказать, каков бог Одейт, он говорит: "Значенье скрытое его в поступках наших проступает, наши доблести — вот боги лучшие для нас".

ДЕНЬ ТВОРЕНЬЯ

Доверяйте себе. Свой дар вы всегда можете проявить во всей силе, накопленной за целую жизнь. Что именно каждый из нас более всего способен создать, может открыть нам только Творец. Никому неизвестно вперед, какую художник создаст вещь, да это и невозможно узнать, пока произведение не будет выставлено. Где он, мастер, который был бы способен чему-то научить Шекспира? Где наставник, который

² "Бондука" — трагедия английского драматурга Джона Флетчера, главный герой которой мудрый воин Каратак. Эмерсон цитирует его слова из первой сцены третьего действия с некоторыми неточностями.

мог бы обучить Франклина или Вашингтона, или Бэкона, или Ньютона? Каждый великий человек исключителен. Сципион велик как раз тем, что он ни у кого ничего не мог позаимствовать. Шекспиром не станешь, сколько бы не изучал Шекспира. Делайте то, что предназначено вам Господом, вам, живущим сейчас, выпало явить картину не менее великую, чем те, что были созданы резцом Фидия, мастерком египтян, рукою Моисея и Данте. Живите в скромных и достойных пределах своей жизни, слушайте своего сердца, и вы вновь переживете День Творенья. И так, доверяйте себе, отдайтесь служению Делу и Пользе, этим канцлерам Всевышнего. Отдайтесь воле, трудитесь, приобретайте, и вы сумеете вселить в душу вашу мир, радость, счастье. Доверяйте себе.

1841г.

СОДЕРЖАНИЕ

Путь к совершенству.....	1
Созерцание совершенства.....	3
Самостоятельность и сила духа.....	4
Закон бытия.....	6
Подлинный человек.....	8
Источник добродетели.....	10
Самосуществование — атрибут Высшей Причины.....	14
Молитва.....	16
День творенья.....	17